

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-5-20

УДК 327.56

**ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА СОСЕДСТВА:
ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ В ОТНОШЕНИИ МОЛДОВЫ И ГРУЗИИ**

Поскребышева Е.С., Старкин С.В.

В настоящей статье осуществлен анализ основных концептуальных положений и динамики развития Европейской политики соседства (ЕПС), направленной на минимизацию конфликтного потенциала в странах, не входящих в Европейский Союз. На основании изученного эмпирического материала, касающегося подходов ЕПС к некоторым государствам постсоветского пространства, авторы приходят к выводам, что данная политика ЕС, во-первых, далека от эффективной имплементации в реальных политических процессах, а, во-вторых, является частью традиционной парадигмы самонавязывания Запада, прикрытой яркими лозунгами и декларациями.

Ключевые слова: Европейская политика соседства; Региональная безопасность; этнические конфликты; урегулирование конфликтов.

**EUROPEAN NEIGHBOURHOOD POLICY:
THE EXPERIENCE OF IMPLEMENTATION IN RESPECT
OF MOLDOVA AND GEORGIA**

Poskrebysheva E.S., Starkin S.V.

This article presents the analysis of the main conceptual principles and dynamics of the European Neighbourhood Policy (ENP), aimed at minimizing conflict potential in countries outside the European Union. On the basis of empirical data con-

cerning the ENP approach to some of the post-Soviet states, the authors come to the conclusion that the policy of the EU, first of all, is far from effective implementation of a real political process, and, secondly, is part of the traditional paradigm of the West self-imposition, veiled bright slogans and declarations.

Keywords: European Neighbourhood Policy; Regional security; ethnic conflict; conflict management.

Введение.

В реалиях современного мира управление конфликтами, в том числе международными, является относительно новой сферой. В ее рамках Евросоюз активно разрабатывает алгоритмы своих действий, в частности, за счет участия в ситуации на Западных Балканах [3]. Развитие так называемой Европейской политики соседства (ЕПС) вдохнуло новый импульс в усилия европейских институтов, направленные на управление или разрешение конфликтов, в том числе на территории бывшего СССР. Однако, как показала практика, ЕПС не была предназначена для решения данных вопросов ни политически, ни институционально, ни финансово.

Целью настоящей статьи является анализ Европейской политики соседства на территории бывшего Советского Союза с точки зрения ее эффективности, актуальности и релевантности. В формате данной цели перед авторами поставлены **задачи** исследования и интерпретации основных нормативных документов концептуального характера, выявление закономерностей политики Европейского Союза по урегулированию этнических и других социально-политических конфликтов, а также получение новых эмпирических данных, касающихся институционального оформления системы европейской региональной безопасности. Необходимо, на наш взгляд, также рассмотреть противоречия в подходах к урегулированию конфликтов таких региональных акторов, как ЕС и Россия.

Необходимо, прежде всего, отметить, что посредством ЕПС Евросоюз акцентирует внимание на своих действиях по управлению конфликтами. Попытки урегулирования ряда конфликтов демонстрируют отсутствие необходимого потенциала в актуализации декларируемых направлений внешней политики. Так, использование метода case studies при компаративном изучении опыта ЕС в урегулировании конфликтов в Молдове и Грузии позволяет охарактеризовать возможности и потенциальные ограничения ЕПС в области управления конфликтами. В случае Молдовы, внутренняя поддержка более тесных отношений с ЕС и готовность обсуждать статус Приднестровья позволили ЕПС и другим институциональным инструментам ЕС сформировать контуры процесса управления конфликтом. С другой стороны, на примере Грузии иллюстрируется возможность политической инструментализации и проявления непредсказуемых последствий, являющихся следствием отсутствия жестких политических рамок.

Европейская стратегия безопасности, принятая в декабре 2003г., в качестве одной из стратегических целей ЕС обозначила безопасность приграничных территорий. ЕПС нацелена на внедрение данной задачи в политику ЕС, что может быть достигнуто в условиях политической стабильности и при распространении соответствующих административных моделей и норм за пределами ЕС. ЕПС в данном контексте может служить альтернативой членству в ЕС, а также обеспечить Союз новым инструментарием координирования собственной внешней политики.

Постепенно значение задачи урегулирования конфликтов в рамках ЕПС стало возрастать. На первоначальном этапе разработок проектов ЕПС сотрудничество со спорными территориями (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах) было неоднозначным. В дальнейшем «восточное измерение» ЕПС дополнилось за счет так называемого «восточного партнерства». Стоит отметить, что участие Евросоюза в разрешении вопросов спорных территорий остается весьма противоречивым: ЕС пытается найти баланс между

стремлением воздержаться от признания данных территорий и попытками содействия разрешению конфликтов.

Степень научной разработанности темы.

На сегодняшний день существует большое количество исследований, направленных на изучение ЕПС с точки зрения перспектив развития Евросоюза. Среди ученых, занимающихся данной проблематикой, можно выделить таких как Дель Сарто Р., Шумахер Т., Кремона М., Хиллион С., Старкин С.В., Поскребышева Е.С. [3, 5, 8, 9, 10].

Многие исследователи сходятся во мнении, что использование ЕПС как инструмента политики не будет иметь успеха ввиду отсутствия у участников возможности в будущем присоединиться к ЕС посредством участия в данной инициативе. В частности, такой точки зрения придерживаются такие исследователи как Сассе Г. и Вольцук К. [13, 17].

Результаты исследования и их обсуждение.

В рамках ЕПС управление конфликтами является одним из средств достижения более тесного экономического и политического сотрудничества с ЕС для стран, не являющихся членами организации. Таким образом, для ЕПС важным пунктом является наличие у страны политической воли к сотрудничеству с соседними странами-членами ЕС. Если ключевые стороны конфликта на одной из противоборствующих территорий демонстрируют желание взаимодействовать с ЕС и рассматривать существующие между ними противоречия как объект реализации политики соседства, то ЕПС может дать импульс сотрудничеству конфликтующих сторон путем создания условий для переговоров, выступая в качестве посредника и выделяя средства для реализации проектов, прямо или косвенно связанных с разрешением конфликта.

Первое комплексное предложение Комиссии по политике соседства содержало в себе пункты, подчеркивающие важность демократии, плюрализма, прав человека и верховенства закона для политической стабильности прилегающих территорий, акцентировало внимание на намерении стимулировать реги-

ональное сотрудничество, особенно между Россией и другими государствами бывшего Советского Союза, а также включало краткое подтверждение негативных последствий конфликтов.

Беглое упоминание о Приднестровье как о «магните для организованной преступности» и «срыве процесса государственного строительства и политической консолидации в Молдове» указывало на то, что Генеральный директорат ЕС по расширению, где был составлен документ, не считал первостепенным вопрос об активном участии в разрешении конфликтов. Акцент был сделан на собственные интересы ЕС в регионе.

Что касается урегулирования конфликта, Комиссия предложила следующее: активное участие ЕС в сфере предотвращения конфликтов, кризисное регулирование, финансирование постконфликтного строительства и поддержку усилий Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и других медиаторов. В предложении также имелись ссылки на существующие международные конвенции, имеющие отношение к вопросам конфликтов, в том числе Всеобщая декларация прав человека, документы ОБСЕ и стандарты Совета Европы [13].

Европейская стратегия соседства (май 2004г.) в качестве инструмента сотрудничества между ЕС и каждой из стран-участниц проекта вводила так называемые «двусторонние планы действий». Особое место в документе занял вопрос о вкладе ЕС в урегулирование региональных конфликтов. Данный факт мог стать следствием решения о включении в ЕПС стран Южного Кавказа – Армении, Азербайджана и Грузии. Каждая из этих стран связана, по крайней мере, с одним неразрешенным этнотерриториальным конфликтом. Стратегический документ, однако, не содержал пунктов, касающихся фактического участия ЕС в урегулировании конфликтов. Потенциальные сферы сотрудничества, перечисленные в документе, отличались размытыми характеристиками. Тем не менее, по сравнению с Соглашениями о партнерстве и сотрудничестве (СПС), которые составляют договорно-правовую базу отношений между ЕС и восточ-

ными странами-участницами ЕПС, этот документ подчеркнул общую ответственность за управление конфликтами, чем создал основу для дальнейших шагов в данной сфере.

Участие ЕС в ситуации в Молдове активизировалось в 2003 г., когда президент В. Воронин отклонил планы России по федерализации страны (так называемый Меморандум Козака) и переориентировался на более тесные отношения с Западом в целом и ЕС, в частности. В феврале 2003г. Европейский Совет ввел запрет на въезд приднестровских лидеров, который был возобновлен в 2009 г. По нашему мнению, его полезность ставится под сомнение тем фактом, что ряд лиц, к которым он мог быть применен, мог иметь решающее значение для переговорного процесса.

Наряду с Венецианской комиссией Совета Европы, ЕС стал наблюдателем в Совместной конституционной комиссии, созданной в 2003 г. с целью определения конституционного устройства и разделения полномочий органов власти. Она состояла из представителей Молдовы, Приднестровья и России. Молдова заявила, что хочет, чтобы ЕС вышел за рамки роли обычного наблюдателя, особенно это касалось переговоров в формате «5+2» под эгидой ОБСЕ и замены российской 14-й армии миротворческими силами ЕС. Следует отметить, что Евросоюз был осторожен и не стремился глубоко вмешиваться в конфликт, однако, план действий ЕС - Молдовы, принятый в феврале 2005 г. на трехлетний срок и впоследствии продленный на год в качестве одной из своих целей включал «совместную ответственность за предотвращение и разрешение конфликтов». Приоритетными направлениями действий ЕС - Молдовы являлись: укрепление стабильности и эффективности институтов, гарантирующих демократию и верховенство закона, в том числе эффективную защиту национальных меньшинств; демократические выборы, свободу СМИ, возобновление сотрудничества с международными финансовыми институтами, сокращение бедности, рост частного сектора экономики, улучшение инвестиционного климата путем структурных реформ и борьбы с коррупцией, эффективную систему

пограничного контроля; борьбу с организованной преступностью и торговлей людьми; обеспечение эффективного управления миграционными потоками. (Buscaneanu, 2006, pp. 19–20). Финансовая составляющая была разработана в рамках Национальной индикативной программы на 2007 – 2010 гг., бюджет которой составил 209.7 млн. евро. Программа финансировала реализацию трех приоритетных направлений: поддержку демократического развития и эффективного управления (25-35%), реформы управления и развитие административного потенциала (15–20%), сокращение бедности и экономический рост (40-60%) [13].

В 2007 г. в рамках инструментов ЕПС была разработана программа действий относительно Молдовы, бюджет которой составил 40 млн. евро. Действия ЕС были сосредоточены на объединенном управлении границами и улучшении пограничного контроля с особым акцентом на содействии Миссии Евросоюза по приграничной помощи Молдовы и Украине (EUBAM).

В дальнейшем ЕС сосредоточил усилия на создании более развитой институциональной сети в Молдове и дополнительном целевом финансировании. 5 марта 2005 г. Советом был утвержден мандат ЕС на разрешение конфликтов. 6 октября 2006 г. делегация Европейской комиссии прибыла в Кишинев. Первоначальная реакция местных властей, провозгласивших курс на независимость и «свободную ассоциацию» с Россией, была негативной [16].

В дальнейшем отношения со специальным представительством ЕС в Молдове оставались противоречивыми. С одной стороны, Представительство пыталось стимулировать новые раунды переговоров конфликтующих сторон, европейские эмиссары находились в тесном контакте с первыми лицами каждой из сторон. Однако во многом представительство дублирует полномочия ОБСЕ, а большое количество посредников приводит к задержкам в реализации намеченных целей и снижению эффективности работы из-за несогласованности усилий.

Специальное представительство ЕС способствовало первой за 7 лет встрече спикера парламента Молдовы М. Лупу с его приднестровским коллегой Е.Шевчуком в мае 2008 г. Эта встреча последовала за переговорами лидеров сторон Воронина и Смирнова 11 апреля 2008 г. В дальнейшем переговоры велись на различных уровнях, в том числе между премьер-министром Молдовы Зинаидой Гречаной и Владимиром Путиным, на которой обе стороны подчеркнули необходимость скорейшего урегулирования конфликта.

Президент Воронин всячески пытался сохранить импульс для продолжения действий по разрешению конфликта. Основу действий он видел в трех пунктах: присутствие ЕС в Молдове, формирование новых механизмов приграничного контроля, регистрация субъектов хозяйствования из Приднестровья в Молдове [6]. Неудачный исход информационного противостояния вокруг Российско-Грузинского конфликта 2008 г. осложнил переговорные позиции России, в связи с чем позиции ЕС оказались решающими для сохранения связей всех участников конфликта [2].

Осуществление Плана действий ЕПС по Молдове включает в себя государственную Дорожную карту. Всеобъемлющий стратегический документ был составлен в 2005 г. на основе конкретных предложений министров. Национальная Комиссия по европейской интеграция была создана под председательством премьер-министра. Правительство Республики Молдова делает собственные ежегодные доклады об осуществлении плана, которые включают в себя подробный анализ министерской и парламентской деятельности, направленной на его реализацию. Министерство иностранных дел было преобразовано в Министерство иностранных дел и Европейской интеграции (МИДЕИ). А статус министра был повышен до вице-преьера, таким образом, произошло укрепление институционального положения МИДЕИ в правительстве [11].

В МИДЕИ был создан Отдел европейской интеграции. Он разделен на три управления: политическое, экономическое, и управление отношений с Юго-Восточной Европой. Однако отдел, занимающийся приднестровским кон-

фликтом, отсутствует. Этот вопрос находится в ведении Министерства реинтеграции, которое, несмотря на значительные объемы финансирования, не обладает достаточными полномочиями для взаимодействия с ЕС.

В отчете Комиссии ЕПС 2007г. отмечается успех, достигнутый в процессе осуществления национальных стратегий и планов действий. Отдельное внимание в документе отведено сотрудничеству по вопросу урегулирования Приднестровского конфликта. Через общую границу с Молдовой ЕС пытается привлечь к взаимодействию Украину. В апреле 2005г. Украина выдвинула комплексный план по урегулированию приднестровского конфликта. Контакты по данной проблеме в таком формате получили продолжение с началом работы в декабре 2005г. Миссии Евросоюза по приграничной помощи Молдове и Украине (EUBAM). Доклад, подготовленный Украиной в 2008г., отмечает позитивный вклад страны в работу миссии ЕС в Молдове. Сотрудничество Украины и Молдовы по вопросу Приднестровья, в свою очередь, в ЕС рассматривается как позитивный вклад в разрешение конфликта.

В целом, ввиду отсутствия каких либо предпочтений у государств-членов ЕС по данному вопросу и достаточно свободных рамок для действий по урегулированию конфликтов ЕПС представляется европейским политикам действенным механизмом, мотивируя Европейский Союз на участие в разрешении Приднестровского вопроса. Однако единственным действительно существенным вкладом ЕС в разрешение конфликта стало создание Специального представительства ЕС в Молдове. На настоящий момент сложно предположить, чем закончится данный фактор европейского само-навязывания, особенно с учетом позиций России в регионе.

Впрочем, необходимо отметить, что в апреле 2009 года так называемый период «многовекторности», в молдавской политике окончился. К власти вернулись откровенно прозападные силы, и уже на протяжении четырёх лет в республике реализуется идеология, которая была отвергнута молдавским обществом в середине 90-х после поражения в приднестровском конфликте.

Апофеозом данной прозападной ориентации современного руководства Молдовы должно стать парафирование в ноябре 2013 года на саммите «Восточного партнёрства» соглашения о зоне свободной торговли со странами ЕС. Конечная цель «Восточного партнёрства» и, в частности, Вильнюсского саммита этой организации ни для кого не является секретом — окончательно вырвать из сферы российского влияния республики, у которых, как уже указывалось, нет шансов войти в ЕС в качестве полноправных членов.

Руководство России довольно резко отреагировало на данные инициативы молдавских политикоформирующих кругов. В сентябре 2013 г. ведущие российские политики высказались за признание Приднестровья. Причём не только рядовые, но и сам спикер Госдумы России Сергей Нарышкин. Однозначно в поддержку признания Приднестровья высказались депутаты Госдумы от партий «системной оппозиции» — КПРФ и ЛДПР. В частности, депутат Госдумы от ЛДПР Ярослав Нилов высказался за создание «84-го российского региона — Приднестровского». Целый ряд резонансных заявлений в Кишинёве сделал вице-премьер России Дмитрий Рогозин. Затем свою твёрдую гражданскую позицию в Кишинёве, Тирасполе и Бендерах высказал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в ходе визита в регион. В частности, он чётко разделил Молдавию и Приднестровье. По его словам, Приднестровье «являет замечательный пример того, как люди разных национальностей живут вместе, и, может быть, поэтому абсолютно чужд Приднестровью всякий жесткий национализм, шовинизм и национальное превосходство» [1].

В связи с этим следует признать ослабление пророссийских позиций в регионе и определенный триумф анализируемой нами Европейской политики соседства. В данном контексте наиболее перспективным для нашей страны является путь активного использования инструментария «мягкой силы», арсенал которой довольно обширен. В частности, это может быть введение визового режима для молдавских гастарбайтеров, большинство из которых продолжают работать в России. Поступления от трудовых мигрантов составляют порядка

30% ВВП Молдовы. Если эти люди вернуться в Молдавию, страну ждёт кризис колоссального масштаба. Однако, с другой стороны, было бы грубой ошибкой со стороны России применять санкции по отношению ко всей Молдавии, без учёта специфики её регионов. Так, для Гагаузской автономии, города Бельцы, других районов юга и севера Молдовы, где население лояльно к России и в подавляющем большинстве поддерживает идею вступления в Евразийский Союз, можно было бы разработать отдельное решение. В частности, неправительственная организация «Евразийская интеграция», осуществляющая помощь Приднестровью, могла бы распространить свою деятельность и на вышеупомянутые регионы правобережной Молдавии. В формате реализации «мягкой силы» необходимо содействовать формированию новой политической и экономической элиты, создавать в Молдавии пророссийские телеканалы и другие средства массовой информации. Повторяя пройденный молдавский и украинский опыт, руководству России не стоит полагаться на действующие оппозиционные элиты, уже дискредитировавшие себя непоследовательным поведением по отношению к России и идеям евразийской интеграции.

Молдавия, равно как и Украина, по всей видимости, подпишут все запланированные к подписанию соглашения в Вильнюсе и продолжат следовать по очерченной для них траектории «Восточного партнёрства». К сожалению, Россия своей многолетней нерешительной и непоследовательной политикой упустила момент, когда можно было этот курс изменить. Сегодня руководству страны придется разрабатывать и актуализировать алгоритмы взаимоотношений с двумя бывшими советскими республиками и, в первую очередь, решать, как укрепляться на своих форпостах — в Приднестровье, Гагаузии и других регионах бывшей Молдавской ССР.

Переходя к разговору о действиях ЕС в отношении республик Закавказья, можно констатировать, что до «революции роз» 2003г. и решения 2004г. включить Южный Кавказ в программы ЕПС, Евросоюз играл довольно пассивную роль в делах Грузии, Армении и Азербайджана. С 1999г. со всеми тремя стра-

нами действовали СПС, финансовая помощь ЕС в период с 1992г. по 2006г. составила 502 млн. евро Грузии, 386 млн. евро - Армении и 407 млн. евро - Азербайджану [13]. ЕС также финансировал проекты восстановления Южной Осетии и Абхазии. Однако помимо заявлений в поддержку планов мирного урегулирования под контролем ОБСЕ (в Южной Осетии) и ООН (в Абхазии) и выражения озабоченности в периоды обострения напряженности на местах, ЕС не предпринимал активных политических действий в попытках урегулирования конфликтов в Грузии. Как известно, власти Абхазии и Южной Осетии не раз упрекали ЕС в том, что эффективность проектов, реализуемых в отдельных районах, находится под угрозой в связи с отсутствием какой-либо политической силы.

Несмотря на различия между тремя странами и более заметную роль ЕС в Грузии, чем в других государствах, Евросоюз предпринял все усилия по синхронизации своих отношений со странами Южного Кавказа в рамках ЕПС. Решение о продлении Европейской политики соседства на Южном Кавказе было обусловлено осознанием необходимости реагировать на события в Грузии после 2003г., а также геополитическими, экономическими и интересами безопасности ЕС в регионе.

В 2005г. был создан пост специального представителя ЕС на Южном Кавказе. Ввиду необходимости представлять интересы ЕС в регионе, его мандат, по сравнению с аналогичным представительством в Молдове, был определен менее четко [15]. Однако стоит заметить, что в него были включены функции по предотвращению и разрешению конфликтов.

Продолжая сравнения с ситуацией в республике Молдова, следует отметить, что в Плане Действий ЕС - Грузия вопросам разрешения конфликтов было отведено чуть ли не центральное значение. Но это было скорее инициативой Грузии, нежели Евросоюза. Можно констатировать, что в случае с Грузией участие ЕС оказалось менее продуктивным из-за большого количества посредников и проводимых ими мероприятий. Президент Грузии всячески стремился

к применению военной силы для преодоления сепаратизма и наделению ЕС и ОБСЕ равными полномочиями в переговорном процессе. Однако в данном формате ни одна из организаций не захотела быть вовлечена в конфликтный процесс.

Приоритетом в Плане действий в отношении Грузии значится урегулирование внутренних конфликтов. Основное внимание в документе отведено таким общим идеям, как совершенствование мер по укреплению доверия, экономическая помощь, содействие исполнению соглашений, подписанных при посредничестве других организаций. Грузия является единственной страной, включенной в восточное измерение ЕПС с четким указанием бюджета, а именно 16 % от общего бюджета программы. Несмотря на приоритетное значение вопроса о конфликте, Грузия и ЕС отличаются противоположными ожиданиями относительно конечных итогов программы. Так, Грузия надеялась получить дополнительные политические дивиденды и гарантии безопасности со стороны ЕС и НАТО в попытках составить противовес России в регионе. Она также требовала непосредственного участия ЕС в урегулировании конфликта. Следствием этого стало содержащееся в отчете Комиссии ЕПС 2007г. указание на ограниченные успехи в деле демократических преобразований и урегулировании конфликта в Грузии [7].

Можно резюмировать, что военные действия между Россией и Грузией в августе 2008г. продемонстрировали неэффективность ЕПС в деле предотвращения новых конфликтов. Наоборот, инструменты, использованные ЕС до конфликта скорее убедили М. Саакашвили в том, что его режиму будет оказана поддержка. Однако впервые за долгие годы Россия дала жесткий ответ на откровенно недружественный демарш страны, находящейся под американским «протекторатом» [4]. По мере эскалации конфликта между Грузией и Россией ЕС попытался занять более влиятельную позицию в его разрешении. В частности, речь идет о «челночной дипломатии» Н. Саркози, сыгравшего решающую роль в подписании соглашения о прекращении огня 12 августа 2008г. При этом

следует помнить, что во многом Н. Саркози использовал конфликт не только для укрепления влияния ЕС, но и для повышения собственного авторитета. Кроме того, ЕС выбрал двуединый подход, частично отделив грузинский кризис от мандата Специального представителя ЕС на Южном Кавказе назначением специального представителя ЕС по кризису в Грузии, тем самым признавая неэффективность существующего регионального потенциала. В то время как мандаты данных чиновников на бумаге пересекались, первый взял на себя политические проблемы, а второй – непосредственные задачи подготовки и проведения переговоров.

В соответствии с соглашением от 8 сентября, Совет Европейского Союза постановил 15 сентября 2008г. развернуть гражданскую мониторинговую миссию в Грузии. Целью миссии являлось обеспечение краткосрочной и долгосрочной стабильности путем анализа и мониторинга ситуации, выполнения соглашений, установления контактов между сторонами на местах. Развертывание миссии началось 1 октября 2008г., при этом ее точный географический охват и потенциальная эффективность остались неопределенными. Предотвращение конфликтов с учетом все более напряженных грузино-российских отношений явно выходило за пределы возможностей ЕС, в связи с чем организация была вынуждена наращивать и совершенствовать свой постконфликтный потенциал. Вместе с тем следует отметить, что миссия оказалась не приспособленной для решения вопросов безопасности на местах. Мы полагаем, она могла бы обладать данной возможностью под эгидой ООН, но даже тогда её эффективность может быть ограничена, как это продемонстрировал опыт миссии в Косово.

Взаимодействие ЕС с другими государствами Южного Кавказа отражает еще более широкий спектр интересов и приоритетов. С точки зрения ЕС, важное геостратегическое положение занимает Азербайджан. Однако после открытия трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан в 2005г. Отчет Комиссии ЕПС 2008г. отмечает отсутствие прогресса в достижении цели в области демократизации управления. Азербайджан не признает Евросоюз важным региональным акто-

ром по сравнению с Россией, США, Турцией и Ираном. Тот факт, что нагорно-карабахский конфликт связывает две страны ЕПС, делает его еще более сложным для ЕС, который в данном случае не может основывать свое участие на декларировании поддержки одной из сторон. Не отличаются серьезными успехами отношения ЕС и Армении. К примеру, по прошествии 7 месяцев с момента утверждения Плана действий в рамках ЕПС, ни одно из его положений в программе правительства упомянуто не было.

Следует отметить, что ЕС, также как и США, на первый план внешней политики выдвигают применение невоенных инструментов обеспечения своих интересов на международной арене [4]. В целом можно констатировать, что участие ЕС в событиях на Южном Кавказе демонстрирует неэффективность инструментов ЕС, связанных с ЕПС, чтобы избежать перехода конфликта в активную фазу. Случай с Грузией иллюстрирует, с одной стороны вероятность втягивания ЕС в продолжающийся конфликт, с другой, – возможность использования отдельными странами-членами данной ситуации для укрепления своего влияния в мире. Случаи с Арменией и Азербайджаном демонстрируют, как четкие стратегические интересы сводят усилия по демократизации и разрешению конфликта к декларативным заявлениям.

Заключение.

Таким образом, конкретные примеры, рассмотренные в данной статье, иллюстрируют возможности и ограничения ЕС в деле управления конфликтами в рамках ЕПС. Эти случаи выходят за рамки традиционных интересов Евросоюза или отдельных его членов, поэтому допускают более открытое вмешательство организации.

В случае республики Молдовы сильная внутренняя поддержка более тесных отношений с ЕС способствовала формированию условий для управления конфликтом через ЕПС и другие инициативы ЕС. Тот факт, что ЕС не рассматривается в качестве основополагающего актора в процессе урегулирования конфликта, может быть преимуществом при условии, что стороны заинтересо-

ваны в более тесных отношениях с ЕС и разделении инструментов на политические шаги и меры по преодолению кризисных ситуаций на местах.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что оценка вклада ЕПС в управление конфликтами довольно амбивалентна. Вместе с Европейской политикой соседства ЕС ввел в действие институциональные каналы и средства, направленные на укрепление отношений со своими восточными соседями, что может иметь положительный эффект в сфере политики, экономики и связанных с конфликтом областях. Несмотря на то, что, действия ЕС привели к некоторому повышению роли Евросоюза в урегулировании неразрешенных конфликтов в странах бывшего Советского Союза, фактические возможности инструментов ЕПС для урегулирования конфликтов остаются ограниченными и зависят от инициативности и приверженности конфликтующих сторон более тесным отношениям с ЕС.

Список литературы

1. Букарский В. Россия — Молдавия: жизнь после подписания «евроассоциации». URL: http://www.odnako.org/blogs/show_29482/ (дата обращения 27.09.2013)
2. Коммерсант. 11 Марта 2008.
3. Поскребышева Е.С. Охридские соглашения по Македонии в контексте этноконфессиональной политики Евросоюза // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5.
4. Поскребышева Е.С., Старкин С.В. Американский опыт формирования праволиберальных внешнеполитических стратегий // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 1 (15). С. 70-74.
5. Старкин С.В. Аналитические институты разведывательного сообщества США во внешнеполитическом процессе. Нижний Новгород, 2011.
6. AISmoldpres, 25 June 2008.

7. Aliev I. Azerbaijan will get its occupied lands back // Topix. 2008. 26 October. URL: <http://www.topix.com> (accessed 23.08.2013).
8. Cremona M., Hillion C. L'Union fait la force? Potential and Limitations of the European Neighbourhood Policy as an Integrated EU Foreign and Security Policy // EU Working Paper Law 2006/39. URL: <http://www.iue.it/PUB/LawWPs/law2006-39.pdf> (accessed 15.08.2013).
9. Del Sarto R.A., Schumacher T. From EMP to ENP: what's at stake with the European Neighbourhood Policy towards the Southern Mediterranean? // European Foreign Affairs. 2005. № 10. pp. 17–38.
10. Kelley J. New wine in old wineskins: promoting political reforms through the New European Neighbourhood Policy // Journal of Common Market Studies. 2006. № 44(1). pp. 29–55.
11. Popescu N. The EU and Moldova: Settling Conflicts in the Neighbourhood // EU Institute for Security Studies. Occasional Papers. 2005. № 60. URL: <http://www.ciaonet.org/wps/iss008/iss008.pdf> (accessed 12.08.2013).
12. Sasse G. The ENP and the EU's eastern neighbours: Ukraine and Moldova as testcases // The European Neighbourhood Policy Since 2003. Basingstoke, 2009.
13. Sasse G. The European Neighbourhood Policy and Conflict Management: A Comparison of Moldova and the Caucasus // Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics. 06 February 2013.
14. Smith K. The outsiders: the European neighbourhood policy. // International Affairs. 2005. 81(4). pp. 757–773.
15. Tocci N. Conflict and reform in Eastern Europe // International Spectator. 2006. № 4. pp. 69–84.
16. Vahl M. Moldova and the Transnistrian conflict / B. Coppetiers, M. Emerson, M. Huysseune, T. Kovziridze, G. Noutcheva, N. Tocci, M. Vahl // Europeanization Conflict Resolution: Case Studies from the European Periphery. Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2004. № 1. URL: <http://www.ecmi.de/jemie/specialfocus.html> (accessed 26.08.2013).

17. Wolczuk K. Adjectival Europeanisation? The Impact of EU Conditionality on Ukraine under the European Neighbourhood Policy // European Research Working Paper Series 18. August 2007. URL: http://www.eri.bham.ac.uk/research/working_papers/WP18Wolczuk.pdf (accessed 26.08.2013).

References

1. Bukarskiy V. Rossiya — Moldaviya: zhizn' posle podpisaniya «evroasotsiatsii». URL: http://www.odnako.org/blogs/show_29482/ (accessed 27.09.2013).
2. Kommersant. 11 Marta 2008.
3. Poskrebysheva E.S. Okhridskie soglasheniya po Makedonii v kontekste etnokonfessional'noy politiki Evrosoyuza // *Vestnik Nizhe-gorodskogo gosudarstvennogo universiteta. N.I. Lobachevskogo*. 2013. № 5.
4. Poskrebysheva E.S., Starkin S.V. Amerikanskiy opyt formirovaniya pravoliberal'nykh vneshnepoliticheskikh strategiy // *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye gumanitarnye issledovaniya*. 2011. № 1 (15). S. 70-74.
5. Starkin S.V. Analiticheskie instituty razvedyvatel'nogo soobshhestva SShA vo vneshnepoliticheskom processe. Nizhnij Novgorod, 2011.
6. AISmoldpres, 25 June 2008.
7. Aliev I. Azerbaijan will get its occupied lands back // Topix. 2008. 26 October. URL: <http://www.topix.com> (accessed 23.08.2013).
8. Cremona M., Hillion C. L'Union fait la force? Potential and Limitations of the European Neighbourhood Policy as an Integrated EU Foreign and Security Policy // *EUI Working Paper Law 2006/39*. URL: <http://www.iue.it/PUB/LawWPs/law2006-39.pdf> (accessed 15.08.2013).
9. Del Sarto R.A., Schumacher T. From EMP to ENP: what's at stake with the European Neighbourhood Policy towards the Southern Mediterranean? // *European Foreign Affairs*. 2005. № 10. pp. 17–38.

10. Kelley J. New wine in old wineskins: promoting political reforms through the New European Neighbourhood Policy // *Journal of Common Market Studies*. 2006. № 44(1). pp. 29–55.

11. Popescu N. The EU and Moldova: Settling Conflicts in the Neighbourhood // *EU Institute for Security Studies. Occasional Papers*. 2005. № 60. URL: <http://www.ciaonet.org/wps/iss008/iss008.pdf> (accessed 12.08.2013).

12. Sasse G. The ENP and the EU's eastern neighbours: Ukraine and Moldova as testcases // *The European Neighbourhood Policy Since 2003*. Basingstoke, 2009.

13. Sasse G. The European Neighbourhood Policy and Conflict Management: A Comparison of Moldova and the Caucasus // *Ethnopolitics: Formerly Global Review of Ethnopolitics*. 06 February 2013.

14. Smith K. The outsiders: the European neighbourhood policy. // *International Affairs*. 2005. 81(4). pp. 757–773.

15. Tocci N. Conflict and reform in Eastern Europe // *International Spectator*. 2006. № 4. pp. 69–84.

16. Vahl M. Moldova and the Transnistrian conflict / B. Coppetiers, M. Emerson, M. Huysseune, T. Kovziridze, G. Noutcheva, N. Tocci, M. Vahl // *Europeanization Conflict Resolution: Case Studies from the European Periphery. Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2004. № 1. URL: <http://www.ecmi.de/jemie/specialfocus.html> (accessed 26.08.2013).

17. Wolczuk K. Adjectival Europeanisation? The Impact of EU Conditionality on Ukraine under the European Neighbourhood Policy // *European Research Working Paper Series* 18. August 2007. URL: http://www.eri.bham.ac.uk/research/working_papers/WP18Wolczuk.pdf (accessed 26.08.2013).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Поскребышева Елена Сергеевна, старший преподаватель факультета международных отношений, старший научный сотрудник научно исследовательского

института глобальных социально-политических процессов, кандидат политических наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

пр. Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия

e-mail: poskr011@mail.ru

Старкин Сергей Валерьевич, профессор факультета международных отношений, директор научно исследовательского института глобальных социально-политических процессов, доктор политических наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

пр. Гагарина, д. 23, г. Нижний Новгород, 603950, Россия

e-mail: starkinserge@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Poskrebysheva Elena Sergeevna, Senior Lecturer, Department of International Relations, senior researcher of the Research Institute of the global socio-political processes, Ph.D. in Political Sciences

Lobachevsky State University of Niznij Novgorod

23, Gagarin Avenue, Niznij Novgorod, 603950, Russia

e-mail: poskr011@mail.ru

Starkin Sergey Valerievich, Professor, Department of International Relations, director of the Research Institute of the global socio-political processes, Doctor of Political Sciences

Lobachevsky State University of Niznij Novgorod

23, Gagarin Avenue, Niznij Novgorod, 603950, Russia

e-mail: starkinserge@mail.ru

Рецензент:

Устинкин С.В., д.и.н., профессор, зав.кафедрой международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова